

ВЛАДИМИР АБРАМОВИЧ КАРАКОВСКИЙ: ПЕДАГОГИКА И ЛИЧНОСТЬ

С. ПОЛЯКОВ

В марте 2015 года ушёл из жизни один из самых выдающихся практиков и теоретиков воспитания поздней советской и современной российской школы Владимир Абрамович Караковский. В моей педагогической судьбе знакомство с В.А. Караковским, с челябинской и московской школами, где он работал директором; осмысление его научно-педагогических и мировоззренческих идей, — стали важными источниками понимания социального мира и педагогических реалий.

Сначала Владимир Абрамович Караковский был для меня легендой. Где-то там, в Челябинске, есть директор школы, который вместе со старшеклассниками участвует в деятельности отряда юных коммунаров, носит на лагерных сборах школьного актива красный галстук и поёт у костра вместе с ребятами песни о таёжной романтике и любви. Об этом рассказывал в Комсомольской правде журналист С.Л. Соловейчик и ребята из Фрунзенской коммуны, с которыми мы, ульяновские школьники, дружили.

Потом, в 1974 году, был эстонский город Эльва, конференция московских и эстонских педагогов из научных групп Людмилы Ивановны Новиковой и Хейно Лийметса. И гость из Челябинска Владимир Абрамович Караковский провозглашает удивившую меня, начинающего аспиранта, идею: дети

должны делать *то, что им хочется*, а хотеть они должны то, что хотим мы, педагоги. Тогда это утверждение казалось отрывом от расплывчатой практики: дети *должны делать то, что хотят* умные, опытные *взрослые*. Позже, в 1990-ых, в педагогических кругах эта максима Караковского оспаривалась: не получается ли здесь манипуляция над внутренним миром ребёнка? И ответы на этот вопрос были разные. Одни дискутанты присоединялись к Караковскому, другие говорили, что такая позиция разрушает самоопределение школьников — главное условие личностного развития. Там в Эльве и состоялось моё знакомство с Владимиром Абрамовичем, и я напросился к нему в Челябинск на лагерный коммунарский сбор школы.

Вообще-то коммунарским лагерным сбором меня и тогда было не удивишь: и сам школьником участвовал в них и нечто подобное, уже, будучи молодым педагогом, проводил.

Но лагерный сбор в челябинской школе № 1 произвёл сильное впечатление: и его начало ранним, ранним утром митингом у памятника солдату Алёше, поставленного усилиями школьников и педагогов к 30-летию Победы; и символическое действие на границе Азии и Европы; и, когда мы, после десанта: «Штурм горы», уставшие возвраща-

лись в город, и нас творческим сюрпризом встречал сводный отряд, превративший в сцену крышу крыльца школы.

Но ещё больше запомнилось ситуация обсуждения сбора после его окончания. Мы сидели с Караковским где-то позади школьников и он, к моему удивлению, не очень-то слушал высказывания ребят, но каждому выступающему выдавал яркие неожиданные характеристики. Так впервые для меня открылась идея, что за педагогикой коллективной творческой жизни существует более глубокий слой педагогики: жизненные, индивидуальные проявления детей и подростков.

Стоит ещё рассказать про связанную с челябинской поездкой замечательную, наверно не подтвердившуюся, гипотезу.

Хотя в Челябинск у меня была командировка, получилось так, что жил во внесборские дни я у Караковских и Владимир Абрамович кормил меня замечательными блюдами: мясом по-австрийски, салатом по-уральски. И у меня появилась гипотеза, что талант директора школы коррелирует с талантом повара: и там, и там надо было смешивать множество ингредиентов и чтобы «блюдо» получилось правильное. Я вспомнил пару примеров из жизни знакомых директоров школ – и вроде бы соответствие обнаруживалось. Какого же было моё разочарование, когда через сколько-то лет Владимир Абрамович обмолвился, что эти замечательные блюда готовила его жена Инна Алексеевна. Но может я что-то не так понял?

Потом Караковский появился в Москве: сначала писал в годичной аспирантуре кандидатскую диссертацию, а затем в 1977 году стал директором 825 московской школы.

Я в этот же год начинал работать организатором внеклассной и внешкольной работы в ульяновской школе № 62 (сейчас эта должность называется «замдиректора по воспитательной работе»), и в меру своих умений пытался «строить» в школе коллективную творческую жизнь. Но в попытках устроить хорошую жизнь в школе нам не хватало образцов этой хорошей жизни. И в поисках образов такой жизни группа школьников и учителей нашей школы отпра-

вились на коммунарский сбор уже в школу В. А. Караковского. После этой поездки мне с учителями стало разговаривать легче.

В это же время появились первые книги Владимира Абрамовича [1]. В книгах зацепило несколько идей:

- ценность организованного разновозрастного общения, без которого невозможна, как говорил позже Караковский, атмосфера добротворчества;
- идея общешкольных ключевых общешкольных творческих дел, как относительно коротких (до недели!) насыщенных ситуаций школьной жизни которые становятся «ударными» дозами воспитания;
- концепция критериев результативности воспитания (**критерий факта участия** школьников в воспитывающих ситуациях; **критерий отношения** как отношение школьников к общей деятельности, общению, традициям школы, **критерий** выпускников как факт их **добровольного участия** в жизнедеятельности школы). Первые два критерия (особенно второй) мне представляются и сейчас базовыми для анализа воспитательной эффективности школ;
- «приземление» идеи системности воспитания (сформулированной в начале семидесятых годов XX века. Л.И. Новиковой и А.Т. Куракиным) на организацию жизни школы. У В.А. Караковского эта идея звучала как максима: «воспитание успешно только, если оно системно».

Сначала системность, в его кандидатской диссертации, имела облик системы воспитательной работы (то есть системной характеристики внеучебной сферы школы). Затем к 1988 году в докторской диссертации она расширилась до характеристики всей жизни школы как воспитательной системы. Эта общешкольная воспитательная система трактовалась, как следствие определённой воспитательно-ориентированной политики директора, администрации при построении школьной жизни в целом. Докторская диссертация Караковского стала одним из краеугольных камней нового более конкретного понимания системности воспитания во всей научной группе Л.И. Новиковой. Именно такой интерпретацией пронизана известная

книга «Воспитание? Воспитание... Воспитание!» [2]. В 1995 году, когда появилось её первое издание, она была чуть ли не единственной в новые «российские» времена научно-практической книгой по проблемам воспитания.

Воспитательная система челябинской школы № 1 и московской школы № 825 и в 1970-е, и в 1980-е годы строилась на идеях романтического коммунизма, понимаемого как общество свободных, творческих, коллективистских людей, стремящихся к общему социальному благу. Может быть, квинтэссенцией этого устремления было раннее утро 22 апреля, когда все, кто ЛИЧНО считал это необходимым (школьники, их родители, учителя, директор) шли к мавзолею Ленина. Причём в этой акции никакого организованного хождения классами, педагогами, никакой обязательности для учителей и детей не было...

В начале 1990-х годов для школы № 825, школы Караковского, наступили сложнейшие времена. Романтично-коммунистическая система воспитания налетела на изменившиеся социальные ценности, ориентиры, реалии. Перед педагогами и перед самим директором встал вопрос: отказываться ли от своей успешной воспитательной системы, от педагогических идей, в которые верила значительная часть педколлектива? Но если отказываться. Что взамен? Ответа не было. И тогда учителя попытались понять, что же в действительности стоит за успешной педагогикой школы, нет ли в ней более глубоких, чем коммунистические идеи оснований, не привязанных однозначно к какой-либо идеологии. В.А. Караковский и педагоги школы нашли ответ на этот вопрос, и ответ оказался непростым.

Переосмысление оснований своего опыта через серию педагогических советов и обсуждений позволило увидеть те ценности, на которые объективно опиралась школа в предшествующие годы. Так появился перечень ценностей, который и сейчас остаётся точкой отсчёта для построения воспитания в школе. Он, начиная с публикаций В.А. Караковского в 1992–1993 годах, стал известен, даже популярен, в той части педагогического мира, которая ори-

ентируется на решение задач воспитания. Напомним его: **Человек, Семья, Отечество, Знание, Мир, Труд, Культура, Земля.** Тезисом, выражающим путь и способ жизни этих ценностей, была ещё одна максима Караковского: «построение лучшей жизни лучшими отношениями».

В новых условиях школа Караковского, сохранив основные стратегические формы организации воспитания (лагерные сборы, ключевые общешкольные дела, встреча рассвета), изменила их символические значения. Теперь на сборе отряды носили разноцветные галстуки как символ «нашего разнообразия», в ключевых школьных делах усилилась ориентация на вневременные российские культурные символы: Пушкин, «Мы — москвичи». Рассвет стал Рассветом Победы, когда в начале мая все, кто считал это важным, встречали его на Воробьёвых городах, откуда открывается утренний вид на предпраздничную Москву.

Но возникло новое напряжение, новые вопросы: а имеет ли школа, педагоги право на построение жизни детей значительно отличающиеся от окружающей социальной жизни, не создаёт ли школа своей воспитательной успешностью жизненные конфликты детей, неприспособленность детей к взрослой жизни? Вопрос для педагогики был не новым. Он возникает всегда перед успешными в коллективном воспитании учителями, и в 1970-е, и в 1980-е годы. Но в 1990-е он становился всё более острым.

Ответом на этот вопрос стало, может быть, одно из самых тонких утверждений В.А. Караковского: школа имеет право на построение ИНОБЫТИЯ, мира отличающегося от окружающей жизни, если эта «иная жизнь» подаётся не как верная, правильная, а как «один из возможных миров». Как жизненный опыт, к которому можно по-разному относиться во взрослой жизни. Как к светлomu воспоминанию из школьной жизни, или как к норме отношений для близкого жизненного круга, или как ориентир во взрослых социальных деяниях. И эти разные отношения равноправны. «Каждый выбирает по себе...», — как звучит строчка из любимой песни Владимира Абрамовича. В.А. Караковский до последних своих выступлений

оставался энергичным защитником воспитания как организованного социального деяния, дающего человеку шанс на добротворческую умную позицию в ближнем и дальнем мире.

Теории воспитания — особенные теории. Уберите из них авторов идей и теоретические положения станут сомнительны. Научные педагогические идеи убедительны, если убедительны личности их носителей. Это и о педагогике В.А. Караковского. Но всё-таки, каковы главные идеи педагогики Караковского, в чём сумма его утверждений? Ответ на этот вопрос может дать только специальное исследование. Мы можем претендовать только на обозначение некоторых тем и рамок этой педагогики.

- Воспитательная система школы, как педагогическая реальность, начинается с позиций её авторов, с выработки общих педагогических целей и представлений о желаемом образе жизни детей и взрослых.
- Основания воспитательной системы (шире, воспитания) — ценности.
- Суть воспитания — построение отношений в соответствии с этими ценностями.
- В построении воспитания должны сочетаться относительно краткие периоды насыщенных ярких событий («воспитание крупными дозами») и периоды повседневной жизни и работы.
- Необходима символизация школьных событий, традиций с «оглядкой» на сложившиеся школьные ценности.
- Необходимо различать критерии воспитания на уровне школы (критерии факта, отношений, выпускников) и результаты воспитания на уровне первичного кол-

лектива: какова динамика личности конкретных школьников.

- Успешное воспитание не может происходить без психологизации и педагогизации школьной среды.
- Предмет педагогически инструментального воспитания — создание опыта самопознания; опыта понимания своих отношений, опыта коллективности, опыта помощи другим людям в их развитии.
- Школа, педагоги имеют право на создание опыта «иной», привлекательной жизни как одного из опытов получаемых школьниками [3].

Влияние выдающихся педагогов на современников и даже далее, на следующие педагогические поколения, двояко. Что сильнее вдохновляет на научные и практические деяния — стиль Антона Макаренко или его педагогические идеи, образ Константина Ушинского или его антропология, жизнь Иоганна Песталоцци или его размышления о роли ручного труда в умственном развитии — ещё неизвестно.

То же можно сказать о Владимире Абрамове Караковском. Его идеи, положения — ценны для педагогической науки и практики, но для судьбы педагогической науки, для судьбы воспитательной практики для множества людей, втянутых в орбиту дела образования, не менее ценны встречи, жизненные пересечения с Караковским, порождавшие всегда чувства и новые мысли.

А ещё Владимир Абрамович любил рисовать симпатичную коровку-бурёнку с цветочком в зубах. Когда-то такую бурёнку он нарисовал и в моём доме. Так она и хранится в одной из домашних памятных папок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караковский В.А* Без звонка на перемену. — Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1977. *Караковский В.А.* Директор–учитель–ученик. — М., 1982. *Караковский В. А.* Чтобы воспитание было успешным. — М., 1979.
2. *Караковский В.А.* *Новикова Л.И., Селиванова Н.Л.* Воспитание? Воспитание... Воспитание! — 2-е изд. — М.: Пед. о-во России, 2000.
3. *Караковский В.А.* Воспитание для всех. — М.: НИИ школьных технологий, 2008.

